УДК 343.35(470+592.3)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>

Т. В. Филоненко¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ СИНГАПУРА

Аннотация. В статье рассматривается пагубный характер коррупции как угрозы национальной безопасности России, с учётом данных Индекса Восприятия Коррупции, опубликованного международной неправительственной организацией Transparency International. Исследуется система мер по противодействию коррупции в Сингапуре. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью применения в Российской Федерации передового опыта развитых стран, успешно применяющих антикоррупционные механизмы. Целью работы является исследование нормативного регулирования противодействия коррупции в Сингапуре; анализ нормативно-правовых актов Сингапура, образующих основу реализации антикоррупционной политики Сингапура. В качестве методологической основы исследования выступают общенаучные методы познания (анализ, обобщение, аналогия, классификация, сравнение), системный и историко-сравнительный методы. В результате исследования проведён анализ основополагающих нормативно-правовых актов Сингапура в сфере противодействия коррупции. Выявлены предписания уголовно-правового характера, содержащиеся в «позитивном» законодательстве. Выявлены тенденции деятельности публичных структур и частных организаций в сфере противодействия коррупции. Анализируются положительный международно-правовой опыт противодействия коррупции в Сингапуре, специфические методы и средства, широко апробированные и показавшие свою высокую эффективность. Описываются ключевые аспекты борьбы с коррупцией, принимаемые политическим лидером Сингапура с целью устранения коррупциогенных факторов в высших эшелонах власти. Автором рассматриваются законодательные особенности нейтрализации коррупционной угрозы. Анализируется положительный междуна-

¹ Татьяна Викторовна Филоненко, соискатель кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Филоненко Т. В. О мерах противодействия коррупции в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 146–156. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>.

родно-правовой опыт противодействия коррупции в Сингапуре, специфические методы и средства, широко апробированные и показавшие свою высокую эффективность. Описываются ключевые аспекты борьбы с коррупцией, принимаемые политическим лидером Сингапура с целью устранения коррупциогенных факторов в высших эшелонах власти. Анализируется положительный опыт применения в странах общего права института конфискации имущества *in rem*, что является формой решения традиционных уголовно-правовых задач гражданско-правовыми средствами и означает взыскание в доход государства имущества физического лица, если оно (имущество) существенно превышает источник его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путём. Научная новизна характеризуется проведением анализа правовой основы противодействия коррупции в Сингапуре; представлением с использованием компаративистского подхода результатов исследования нормативно-правовых актов Сингапура.

Ключевые слова: коррупция, противодействие преступности, Сингапур, зарубежный опыт, уголовное право, компаративистика, взяточничество, международно-правовой опыт, антикоррупционные механизмы, конфискация имущества, коррупциогенный факторы, преступления коррупционной направленности.

Tatyana V. Phylonenko¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

ANTI-CORRUPTION MEASURES IN RUSSIA AND IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION: THE EXPERIENCE OF SINGAPORE

Abstract. The article discusses the pernicious nature of corruption as a threat to Russia's national security, taking into account the data from the Corruption Perception Index published by the international non-governmental organization Transparency International. It explores the system of anti-corruption measures in Singapore. The urgency of this topic is determined by the need to apply in the Russian Federation the best practices of developed countries that successfully apply anti-corruption mechanisms. The purpose of the work is to study the normative regulation of anti-corruption in Singapore; to analyze the legal acts of Singapore, which form the basis for the implementation of anti-corruption policy in Singapore. The methodological basis of the study is based on general scientific methods of cognition (analysis, generalization, analogy, classification, compari-

¹ Tatyana V. Phylonenko, doctoral candidate of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Phylonenko. T. V. Anti-corruption measures in Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: the experience of Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2020. No. 3. P. 146–156. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/146-156>.

son), system and historical and comparative methods. As a result of the research, an analysis of the fundamental regulatory legal acts of Singapore in the area of anti-corruption was conducted. Prescriptions of criminal law nature contained in "positive" legislation were revealed. Trends in the activity of public structures and private organizations in the sphere of corruption counteraction have been revealed. The positive international legal experience of counteraction to corruption in Singapore, specific methods and means that have been widely tested and have shown high efficiency are analyzed. The key aspects of the fight against corruption adopted by the political leader of Singapore to eliminate corruption factors in the higher echelons of power are described. The author examines the legislative features of neutralizing the threat of corruption. Positive international legal experience in combating corruption in Singapore is analyzed, as well as specific methods and tools that have been widely tested and proved to be highly effective. The key aspects of the fight against corruption adopted by the political leader of Singapore to eliminate corruption factors in the higher echelons of power are described. Positive experience of application in common law countries of the institution of confiscation of property in rem is analyzed, which is a form of solving traditional criminal tasks by civil law means and means of recovery of an individual's property into the state's income if it (property) significantly exceeds the source of its income and there are suspicions that it was gained through criminal means. The scientific novelty is characterized by the analysis of the legal framework for combating corruption in Singapore; presentation of the results of the study of Singapore's legal acts using the comparativity approach.

Keywords: corruption, crime prevention, Singapore, foreign experience, criminal law, comparativistics, bribery, international legal experience, anti-corruption mechanisms, confiscation of property, corruption factors, corruption-related crimes.

Международное антикоррупционное движение Transparency International опубликовало Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) за 2018 г. [1]. Россия заняла 138 место из 180 и набрала 28 баллов из 100. В последние три года Россия набирала 29 баллов, а в 2020 году потеряла один балл и опустилась на три места. Столько же баллов набрали Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика.

В течение последних десятилетий Российская Федерация проводит национальную политику противодействия коррупции, которая нацелена на минимизацию коррупционных проявлений во всех сферах жизни российского общества. В рамках определения дальнейшего вектора указанной деятельности представляет интерес опыт противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона как территориальной единицы, оказывающей влияние на внешнюю политику, экономику, культурные и иные связи с Россией в целом и её Дальним Востоком в частности.

Изучение опыта разных стран позволяет лучше разобраться в современных тенденциях развития законодательства, обеспечивающего борьбу с коррупцией, оценить эффективность принимаемых для этого мер, отыскать наиболее подходящие для конкретной страны в данных обстоятельствах средства и способы кардинального решения насущных проблем. Нельзя не согласиться с экспертами в том, что коррупция сегодня представляет собой трансграничное явление, что повышает ценность сравнительных исследований, позволяет лучше подготовиться к тому, что уже происходит в соседних государствах и может коснуться России в ближайшем будущем [2].

В данной работе мы постараемся осветить те нормы зарубежного законодательства, которые, с нашей точки зрения, могли бы быть успешно имплементированы в национальное право, поскольку доказали свою высокую эффективность в правоприменительной практике других стран.

Несмотря на развитие и совершенствование антикоррупционного законодательства во многих странах мира, очень немногие государства можно отнести к числу тех, что обладают эффективной законодательной антикоррупционной базой, которая на практике доказала свою эффективность. Одним из таких государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе является Сингапур. Именно Сингапур первым среди современных индустриальных стран начал активную борьбу с коррупцией и укрепление морально-нравственных устоев власти. На сегодняшний день, являясь достаточно жёстким авторитарным государством, Сингапур занимает лидирующие места в мировых рейтингах по отсутствию коррупции, экономической свободе и уровню управляемости. Конечно, трудно сравнивать маленькое островное государство с населением в 4 млн человек и огромную Россию, которая имеет иную историю и иные традиции. Но пример Сингапура убедительно демонстрирует, что благодаря политической воле, эффективным изменениям в законодательстве, независимости судебного корпуса вполне реально свести коррупцию к очень низкому уровню всего за несколько лет. Чёткие и простые для понимания цели реформ, жёсткие методы их реализации, часто вопреки ориентирам западных моделей развития обеспечили отличные, как это признаётся в мировом сообществе, результаты [3].

Сингапур ратифицировал Конвенцию ООН против коррупции 2003 г. в ноябре 2009 г., а также является членом ФАТФ и АГТ с 1992 г. и 1997 г. соответственно. Сингапур был принят в члены Эгмонтской группы подразделений финансовой разведки в 2002 г. Сингапурская система криминализации взяточничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе основана главным образом на законе и прецедентом праве, интерпретирующем закон.

Антикоррупционная стратегия страны ориентирована на три главные задачи: избавление государственного аппарата от взяточников, упрощение бюрократических процедур и ужесточение правовой регламентации полномочия чиновников, контроль за соблюдением этических стандартов служебной деятельности. В качест-

ве первоочередных мер, которые могли бы быть наиболее эффективными в борьбе с коррупцией, руководство страны определило следующее:

- создание более современного антикоррупционного законодательства;
- учреждение специального максимально самостоятельного государственного органа по борьбе с коррупцией;
- ужесточение уголовной ответственности за коррупцию;
- установление высоких социальных гарантий государственным и муниципальным служащим;
- практику постоянной и планомерной ротации управленческих кадров;
- законодательные гарантии безопасности лица и членов его семьи, давших показания по факту коррупции;
- широкое освещение антикоррупционной деятельности в СМИ;
- проведение независимой экспертизы законов и нормативных актов на предмет коррупционных последствий [3, с. 117–119].

На практике указанные меры выражаются, в первую очередь, в организации специализированного независимого государственного органа – «Бюро по расследованию коррупционной деятельности». Причём, следует отметить, что результативность деятельности Бюро находит широкую поддержку у населения Сингапура, что, в свою очередь, привело к росту инициативных обращений населения в Бюро с сообщениями о злоупотреблениях, в том числе коррупционного характера, со стороны должностных лиц государственных структур и частного сектора. Подобная инициатива поддерживается законодательством, обеспечивающим и предусматривающим соблюдение конфиденциальности взаимодействия Бюро с жителями в этой части. Законодательство даёт право сотрудникам Бюро производить аресты и обыски подозреваемых, их имущества и изучать состояние банковских счетов самостоятельно, без санкционирования подобных действий со стороны органов прокуратуры и суда, что позволяет более оперативно реагировать на сообщения о преступлениях.

Немаловажным является проявление политической воли и отношение чиновников высших органов государственной власти, включая Президента и премьер-министра, к формированию и действию соответствующих законодательных актов. Помощник директора Бюро по расследованию коррупционной деятельности *Muhammed Ali* указывает на важность антикоррупционных законов, «которые позволяют выявлять и расследовать все типы коррупции без опасения или предубеждения» [4], результаты которых касаются министров, членов Парламента, чиновников высокого ранга, бизнесменов, и регулярно публикуются и доводятся до сведения населения.

Сингапур развивает стандарты функционирования коммерческих организаций, направленные на обеспечение «прозрачности» финансовых операций и неза-

медлительное информирование государственных структур о «подозрительных» сделках. В том числе это относится к организации «внутренних» комитетов аудита, которые выполняют по сути роль подразделений (своеобразных филиалов государственных компетентных органов), выявляющих признаки злоупотреблений и коррупции со стороны служащих предпринимательской сферы.

Отдельного внимания заслуживают нормы, регламентирующие деятельность государственных служащих за рубежом. Обсуждая запреты и ограничения, связанные с замещением должностей государственной службы, многие почему-то забывают о методе не только кнута, но и пряника, который также достаточно успешно зарекомендовал себя в других странах.

Так, в Сингапуре – стране, победившей коррупцию, в целях стимулирования законопослушного поведения чиновников пошли по пути упрощения всех процедур принятия решений в аппарате государственной власти, лишили чиновников неприкосновенности, но вместе с тем и подняли заработную плату государственных служащих и судей (до 1 миллиона долларов в год), т. е., с одной стороны, продемонстрировано усиление ответственности, а с другой – поощрение за добропорядочное поведение и создание чёткой структуры иерархического роста служащих в органах власти [5, с. 38–40].

Исследователь коррупции в Сингапуре *Jon S. T. Quah* выделяет две стратегические линии, проводимые властями в данном направлении: а) снижение возможности проявления коррупции путём ужесточения законодательства к правонарушителям (взяточникам) и ужесточения в пресечении коррупционного поведения; б) снижение возможности совершения злоупотреблений должностными лицами путём «повышения жалования и условий службы» [6]. Сингапурские чиновники – самые высокооплачиваемые в мире. Очевидно, что государственным служащим, которые добровольно соглашаются на соблюдение ими запретов и ограничений, необходимо обеспечить, ко всему прочему, ещё и комфортный уровень жизни для того, чтобы лицо, замещающее конкретную должность, этим уровнем жизни дорожило и стремилось его сохранить.

Общий базис противодействия коррупции в Сингапуре основан на формировании политики «нулевой терпимости» (*zero-tolerance policy*) любых проявлений коррупции в обществе. Осознание населением пагубности получения (предоставления) незаконного вознаграждения является основой профилактических мер и воздействия на условия существования подобной преступности.

На наш взгляд, в России в настоящее время более пристального внимания заслуживают нормы, касающиеся уголовной ответственности физических лиц. Сама по себе необходимость и значимость привлечения к уголовной ответственности физических лиц нигде в мире уже с давних времен не вызывает ни вопросов, ни сомнений. В целом подходы к привлечению к уголовной ответственности физических лиц похожи в разных странах, и они хорошо изучены, но, тем не менее, в каж-

дой стране имеются свои особенности. Так, во многих странах закреплены следующие положения:

1) лишение права занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью обязательно за совершение коррупционных преступлений и состоит в пожизненном запрете занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления и его ведомствах, государственных организациях и организациях, в уставном капитале которых доля государства составляет более 50%, в том числе в национальных управляющих холдингах, национальных компаниях, институтах развития, акционером которых является государство;

2) к лицам, совершившим коррупционное преступление, не применяется условное осуждение;

3) к лицам, совершившим коррупционное преступление, не применяются сроки давности освобождения от уголовной ответственности [2].

Представляется, что указанные нормы вполне успешно могут быть имплементированы в национальную правовую систему с целью повышения уровня эффективности антикоррупционного законодательства.

Но, как демонстрирует практика правоприменения, наиболее эффективным механизмом в противодействии коррупции является не уголовный запрет, а институты гражданского права, явно недооцененные отечественными юристами.

В настоящее время в разных странах очень активно применяется конфискация *in rem*, т.е. конфискация, которая может быть проведена без уголовного судопроизводства либо параллельно с ним. Во многих странах независимо от правовых традиций гражданская конфискация активов давно считается эффективным инструментом борьбы с коррупцией и любыми доходами, получаемыми от преступлений. Этот механизм эффективно используется для возвращения похищенных государственных активов и выведенных за границу коррупционных доходов. Например, в ноябре 2015 г. США возвратили Республике Корея 1 130 000 долларов США, незаконно присвоенных бывшим диктатором Чон Ду Хваном, которые изъяты в порядке гражданской конфискации на территории США у членов его семьи [2].

Институт «конфискации *in rem*» многие специалисты характеризуют как самый эффективный инструмент в противодействии любой корыстной (в том числе коррупционной) преступности. Базовая его идея сводится к тому, чтобы сделать бессмысленным (запредельно рискованным) любое криминальное обогащение. А принцип реализации сводится к следующему – «если ты честный человек, то значит, как честный человек, должен рассказать, откуда взялось конкретное имущество; а если этого не сделаешь, то так честным человеком и останешься, но уже без конкретного имущества» [5, с. 39].

В современном общем праве конфискация имущества *in rem* является формой решения традиционных уголовно-правовых задач гражданско-правовыми средствами

и означает взыскание в доход государства имущества физического лица, если оно (имущество) существенно превышает источник его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путём. В 1960 г. в Сингапуре был принят Закон, который позволял считать доказательством взятки то, что обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которой он не мог приобрести на свои доходы, как подтверждение того, что он получал коррупционные доходы [5].

В большинстве стран, где внедрялась конфискация *in rem*, всё начиналось с активов, которые подлежат государственной регистрации: ценные бумаги, недвижимость, транспорт и т. д. В ряде государств рассматриваемый инструмент является значимым источником пополнения государственного бюджета [7, с. 52–55].

В отечественном правовом пространстве до сих пор не окончены дебаты по вопросу об имплементации такой конфискации, поскольку частично эти нормы всё же присутствуют в национальном праве. В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в силу которой, если должностное лицо при декларировании своих доходов не представило сведения о законности их происхождения, прокурор в исковом порядке инициирует процесс конфискации имущества, приобретённого на доходы, законность происхождения которых не доказана. Данная норма корреспондирует с положениями Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также Федерального закона «О противодействии коррупции».

Полномочия прокурора при реализации данных функций регламентированы Приказом Генерального прокурора от 14.04.2015 № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного федерального закона».

Стоит согласиться с А. А. Арямовым и Е. О. Руевой в том, что при всей своей схожести с конфискацией *in rem* рассматриваемое отечественное правовое явление таковым не является, поскольку в процессе его дефинирования изначально заложены недостатки, сводящие на нет эффективность его реализации.

В частности, субъектами воздействия данного правового феномена являются должностные лица, декларирующие свое имущественное положение (в сферу контроля попадают также их супруги и несовершеннолетние дети); следовательно, оформление имущественных активов на других лиц минимизирует негативные риски возможной конфискации. Так, в рамках расследования «дела Захарченко» прокуратурой был установлен родственный круг лиц, которые способствовали совершению коррупционных преступлений полковником полиции Захарченко, регистрируя на себя имущество, приобретённое на добытые незаконным путём деньги [7].

Кроме того, активы, подлежащие контролю в Российской Федерации, ограничены недвижимостью, транспортом и ценными бумагами. Иные виды имущества, такие как драгоценности, антиквариат, предметы искусства и др. в декларацию о доходах не включаются, а, следовательно, могут быть использованы в качестве актива для размещения средств, в том числе и полученных незаконным путём. Даже хранение наличных денег «под подушкой» может приобретать титанические размеры: например, то же самое дело Захарченко показало, что в одном помещении может быть аккумулировано 9 млрд наличных денежных знаков [7].

Обращает на себя внимание и тот факт, что операциями с иным имуществом можно обосновывать «правомерность» приобретения недвижимости, транспорта или ценных бумаг: квартира приобретена за счёт доходов, полученных от реализации драгоценностей или предметов искусства, а законность приобретения данных активов находится за пределами контрольных мероприятий.

Да и контролю подлежат операции с имуществом всего лишь за три года, предшествующие процедуре декларирования, таким образом, ссылая на финансовые поступления за этим периодом сводит риск возможной конфискации к нулю.

Стоит отметить и ещё один момент, препятствующий эффективной работе механизма противодействия коррупции: в настоящее время прокуратура не имеет права обращения в суд с иском о взыскании имущества, приобретённого на неподтверждённые доходы государственного служащего, который сам уволился. Данное обстоятельство имеет важное практическое значение.

По заявлению председателя Счётной палаты РФ А. Кудрина: «Я ориентируюсь на общие исследования, и они показывают, что уровень коррупции пока не снижается. Я думаю, этот ущерб может измеряться триллионами рублей». В своём интервью А. Кудрин заявил о необходимости расширения полномочий Счётной палаты: «Нам нужны полномочия использовать методы, которые позволили бы доказать или опровергнуть случаи коррупции или хотя бы подготовить более подробные материалы для правоохранительных органов. Эти методы мы сейчас разрабатываем, у нас есть идеи» [8].

Таким образом, с нашей точки зрения, нормы, регламентирующие процедуру контроля за соответствием расходов и доходов лиц, занимающих государственные должности, нуждаются в существенном совершенствовании.

Подводя некоторые итоги сказанному, отметим следующее.

В настоящее время прослеживается тенденция постоянного развития антикоррупционного законодательства, совершенствования существующих механизмов противодействия коррупции в мире. При этом важным является то обстоятельство, что как в России, так и за рубежом законодательство не сводится сегодня лишь к уголовно-правовым мерам, а охватывает широкий круг регулирования различных сфер деятельности. Заданный вектор представляется авторам правильным, поскольку совершенно

очевидным является то, что противодействовать коррупционным проявлениям только уголовно-правовыми средствами в условиях нынешнего времени не представляется возможным. С этой точки зрения для России чрезвычайно важным и полезным является опыт тех государств, которые достигли определённых успехов в противодействии коррупции с целью заимствования зарубежных норм, способных повысить уровень эффективности в борьбе с коррупционными проявлениями в нашей стране.

Список литературы

1. Индекс восприятия коррупции. Электронный ресурс: [www. transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy](http://www.transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy) / (дата обращения 04.09.2020).
2. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / А. С. Автономов, Н. А. Голованова, В. В. Гриб и др.; отв. ред. А. С. Автономов. М. : Юрист, 2017. – 132 с.
3. Магукян А. Р., Хаджиев Т. Д. Антикоррупционная стратегия Сингапура: ориентация на результат // Право и управление. 21 век. №1(26) 2019.
4. Muhammed, Ali. Eradicating Corruption – The Singapore Experience / Ali Muhammed // Paper presented at the Seminar on International Experiences in Good Governance and Fighting Corruption in Bangkok. Thailand, 2000. – 17 February.
5. Степанов О.А. О противодействии коррупции уголовно-правовыми и иными средствами в России и за рубежом // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 38–40.
6. Quah, Jon S. T. Corruption in Asian Countries: Can't It Be Minimized? / Jon S. T. Quah // Public Administration Review. – November 1999 – December 1999. – Vol. 59, No. 6.
7. Арямов А. А., Рыева Е. О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52–55.
8. Кудрин А. Коррупция демонстрирует стабильность. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/4220126> Дата обращения (28.09.2020 г.).

References

1. Corruption Perceptions Index. Electronic resource: [www. transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy](http://www.transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy) / (circulation date 04.09.2020).
2. Legal and organizational anti-corruption measures: a comparative study / A. S. Avtonomov, N. A. Golovanova, V. V. Grib et al.; ed. by A. S. Avtonomov. Moscow: Lawyer, 2017. 132 с.
3. Magukyan A. R., Khajiev T. D. Anticorruption Strategy of Singapore: focus on results. (in Russian) // Law and Administration. 21 century. №1(26) 2019.

4. Muhammed, Ali. The Singapore Experience / Ali Muhammed // Paper presented at the Seminar on International Experiences in Good Governance and Fighting Corruption in Bangkok, Thailand. – 2000. – 17 February.

5. O. A. Stepanov. On Combating Corruption by Criminal and Other Means in Russia and Abroad // International public and private law. 2018. № 2. С. 38–40.

6. Quah, Jon S. T. Can't It Be Minimized? / Jon S. T. Quah // Public Administration Review. – November 1999 – December 1999. – Vol. 59, No. 6.

7. A. A. Aryamov, E. O. Rueva, Problems of Using the Institute for Confiscation of Property as a Means to Counteract Corruption // Russian Investigator. 2017. № 3. С. 52–55.

8. Kudrin, A. Corruption shows stability. Electronic resource: <https://www.kommersant.ru/doc/4220126>. Date of circulation (28.09.2020).